

Сяо Юэбай опирался на подросшего евнуха. Хотя это и помогало идти, необходимость полностью наступать на израненные ступни делала этот путь куда более мучительным, чем если бы его, как прежде, нес на руках Янь Сюнь. Каждый шаг отзывался резкой болью, которая, казалось, прошивала насквозь, до самых костей, ударяя по натянутым нервам. И всё же Юэбай не выдал своих страданий ни единым жестом: лицо его оставалось бесстрастным, а походка — ровной.

Его покои располагались неподалеку от спальни Янь Сюня, но к тому моменту, когда он наконец опустился на мягкую кушетку, виски и спина его взмокли от холодного пота.

Махнув рукой, он отослал слугу. Утерев испарину со лба, Юэбай вытянулся на ложе и прикрыл глаза, погружившись в полузабытьё.

Прошлую ночь он провел, обнимая Янь Сюня, и так боялся потревожить сон принца, что пролежал до рассвета почти неподвижно. От столь долгого и неестественного оцепенения всё тело ныло, а мышцы казались свинцовыми. Усталость навалилась тяжким грузом, но мысли бурлили, не давая по-настоящему уснуть.

Внезапно оконная рама едва слышно скрипнула. Спустя мгновение перед кушеткой замер человек в неброском серо-голубом одеянии мелкого слуги.

Юэбай не открыл глаз. Он лишь негромко произнес:

— Цзычжао.

Пришедшим был Лу Цзычжао. Увидев бледность на лице господина, он встревоженно выдохнул:

— Молодой господин, почему вы так бледны? Вы до сих пор не обработали раны? То лекарство, что я прислал вчера...

— Я его выбросил, — перебил Юэбай. — Цзычжао, ты совсем потерял голову. Если бы я вчера воспользовался мазью, как бы я сегодня объяснил её следы? Чтобы не вызвать подозрений, мне нельзя лечиться тайком. Впрочем, не беспокойся: Его Высочество только что сам нанес мне мазь.

— Раз вы в порядке, я спокоен, — Лу Цзычжао склонился к самому его уху и что-то быстро зашептал.

Выслушав доклад, Юэбай лишь слегка приподнял бровь. Он отдал несколько коротких распоряжений и добавил:

— Ступай.

Не успело эхо слов затихнуть, как створка окна снова качнулась, и Цзычжао исчез, словно его и не было.

Юэбай медленно открыл глаза. Он завороженно наблюдал за игрой света на полу, где солнечные блики сплетались в причудливые пятна. В его глазах, формой напоминавших лепестки персика, заплясали искры, а в уголках затаилось сияние, способное, казалось, осветить самый темный угол этой комнаты.

В этот момент раздался стук.

— Учитель, я могу войти? — послышался голос Янь Сюня.

— Входи, — отозвался Юэбай, поворачивая голову к двери.

Стоило створкам распахнуться, как он улыбнулся, не сводя с принца внимательного, обволакивающего взгляда. Едва переступив порог, Янь Сюнь встретился с ним глазами — и сияние, притаившееся в уголках глаз Юэбая, будто прошло его насквозь, заставив на миг затаить дыхание.

Придя в себя, принц заметил печать усталости на лице наставника.

— Я помешал вашему отдыху? — робко спросил он, подходя ближе.

Юэбай качнул головой.

— Третий принц ушел?

— Да, — Янь Сюнь остановился рядом, не отрывая взгляда от лица Сяо Юэбая. — Он сказал, что верит в мою непричастность к отравлению. И пообещал помочь, если мне что-нибудь понадобится.

Судя по тому, как принц держался, между ним и Янь Ци давно пролегла трещина. Слова брата явно не вызвали у него доверия.

Пока Юэбай размышлял об этом, Янь Сюнь добавил:

— Я притворился, будто напуган этими обвинениями. Даже нарочно пролил чай на глазах у него.

Услышав это, Юэбай резко сел, нахмурившись. Он схватил Янь Сюня за руки и принялся внимательно их осматривать. Принц, не понимая причины такой порывистости, замер,

позволяя учителю делать что угодно.

Убедившись, что кожа цела и нет ни малейшего следа ожога, Юэбай с облегчением выдохнул.

— Ваше Высочество, если нужно разыграть спектакль перед Третьим принцем — делайте это. Но умоляю: не смейте вредить себе.

Янь Сюнь опустил на край кушетки, виновато опустив голову.

— В этот раз всё обошлось, но если в следующий раз потребуется...

Он не договорил, но Юэбай и так всё понял. Ради достижения цели принц был готов калечить себя, не раздумывая. Сяо Юэбай осознал, что его просьба была почти неосуществимой в их мире.

Сам Юэбай в прошлой жизни не имел за спиной влиятельного клана. Чтобы пробиться наверх, он шел на самые гнусные уловки. Горькая ирония: он сам не раз прибегал к «хитрости горького мяса» — наносил себе раны, чтобы подставить врагов. Однажды он даже вонзил кинжал себе в грудь, едва не переступив порог царства мертвых, и ни секунды об этом не жалел.

Тогда он боролся за власть. Если бы он довольствовался местом мелкого чиновника, его жизни ничто бы не угрожало. Но Янь Сюнь был рожден в императорской семье. С детства презираемый всеми, он мог рассчитывать лишь на холодную милость Гуйфэй Хань. А теперь, когда его обвиняют в покушении на Наследного принца, сама его жизнь висит на волоске. Разве можно требовать от него осторожности? Это было бы слишком несправедливо.

— Ваше Высочество... — Юэбай взгляделся в юное, еще детское лицо принца. Сердце его сжалось от жалости, и он крепче сжал ладони Янь Сюня. — Пообещайте: когда мы наедине, вам не нужно играть роль.

Принц послушно прильнул к плечу Юэбая.

— Я знаю, что учитель никогда не причинит мне зла. Перед вами мне не нужны маски.

Юэбай разжал пальцы и с легкой усмешкой поддразнил:

— Откуда такая уверенность? А вдруг я задумал недоброе?

Янь Сюнь потерся щекой о его плечо и, потянув Юэбая за рукав, капризно протянул:

— Неужто учитель хочет продать меня, чтобы купить себе сладостей?

— Я давно вышел из того возраста, когда выменивают людей на леденцы, — серьезно ответил Юэбай. — Если и продам тебя, то только на самого лучшего бумажного змея.

Янь Сюнь озадаченно моргнул:

— Почему именно змея? Вы ведь говорили, что совсем не умеете запускать их в небо?

Юэбай легонько щелкнул его по носу и рассмеялся:

— Это я тебя обманул. В свое время во всей округе не было мастера лучше, чем твой учитель.

— Вот как? — Янь Сюнь притворно надулся. — Вы посмели обмануть меня! За такое полагается наказание.

— И какое же? — мягко спросил Юэбай. — Сошлешь меня в родную деревню пускать змеев?

Вместо ответа Янь Сюнь через слои мягкого шелка слегка прикусил плечо Юэбая и пробормотал:

— Я накажу учителя тем, что он сам научит меня пускать бумажных змеев.

Юэбай обнял его за талию, не в силах сдержать нежной улыбки.

— Что ж, будь по-твоему.

Тепло чужого тела действовало на принца умиротворяюще. Но ему этого было мало: избегая задевать больные ноги Юэбая, он еще плотнее втиснулся в его объятия, словно ласковый котенок. Сяо Юэбай лишь погладил его по узкой спине.

Вдруг Янь Сюнь поднял голову и, впившись в него взглядом, серьезно произнес:

— Знаете, учитель... Сам не пойму почему, но еще при первой встрече я твердо знал: вы меня не предадите.

Юэбай не помнил обстоятельств их «первой встречи» в этой жизни, но искренне отозвался:

— А я, едва завидев Ваше Высочество, решил, что посвящу всю жизнь служению вам.

Янь Сюнь просиял. Он хотел и дальше нежиться в этих объятиях, но вовремя вспомнил, как утром у Сяо Юэбая затекла рука, на которой он проспал всю ночь. Скрепя сердце, принц

отстранился и улегся рядом на узкой кушетке.

— Учитель, вы наверняка устали. Отдыхайте.

Места было мало: их руки и ноги соприкасались, не оставляя и дюйма свободного пространства. Казалось, даже их дыхание сплелось в одно целое.

Они проспали около часа. Наступили сумерки, и пламенеющие закатные облака окрасили небо в густые рыжие и багряные тона. Последний луч солнца, пробравшись сквозь резной узор окна, упал на лицо Юэбая.

Юэбай открыл глаза. Первое, что он увидел — Янь Сюня, который во сне снова устроился у него под боком. Сердце Юэбая пропустило удар. Он принялся мысленно изучать лицо принца, запоминая каждый изгиб и черточку, но не успел закончить — Янь Сюнь проснулся.

Принц привычно потерся щекой о грудь Юэбая и сладко зевнул:

— Учитель...

Прошло еще немного времени, прежде чем он окончательно пришел в себя. Янь Сюнь резво соскочил на пол и подбежал к столу. Схватив трактат «Чжоу би суань цзин», он с воодушевлением протянул его Юэбаю:

— Вчера императорский брат всё испортил, мы едва успели начать. Учитель, продолжим прямо сейчас?

В этом порыве не осталось и следа от его обычной холодности или расчетливости. Сейчас он выглядел как самый обычный, живой и радостный ребенок.

У Юэбая потеплело на душе. Он ласково посмотрел на принца и, приняв книгу, коснулся его щеки.

— Хорошо.

Он открыл трактат. Юэбай понятия не имел, на чем они остановились вчера, но, пролистав несколько страниц, наткнулся на свои пометки. У него была привычка отмечать важное при чтении, и даже став наставником принца, он не изменил себе.

Юэбай взглянул на Янь Сюня и с улыбкой напомнил:

— Ваше Высочество, помнится, вы задолжали мне чайник «Лушань Юнь»?

Янь Сюнь тут же выскочил за дверь, приказывая слугам заварить чай. А про себя поклялся: «Настанет день, и я поднесу учителю лучший чай «Лушань Юнь» — во сто крат лучше того, что пьет мой третий брат».

<http://bllate.org/book/17467/1695622>